

«винта». Культъ „винта“ останавливаетъ даже на себѣ вниманіе общественной сатиры. Г. Бука въ „Русск. Вид.“ называетъ „винтъ“ единственнымъ въ своемъ родѣ „элементомъ“ нашего „общенія“, „самымъ популярнымъ частнымъ и общественнымъ развлеченіемъ, самымъ распространеннымъ любительскимъ занятіемъ“. Винтъ—„солъ и окраска обывательской жизни, инимъ и цѣль ея“. Одинъ сдаетъ, другой тасуетъ, третій насъ кричитъ, четвертый, пятый, шестой... толпятся за стульями партнеровъ. Что-же заставляетъ „удивленныхъ съ семьѣ пошехонцевъ“, „лишнихъ въ обществѣ, странѣ и государствѣ“, сидѣть ежедневно за этими „52 листами расписаннаго картона?“ „Комически слоняющаяся тѣнь скуки“, отвѣчаетъ сатирикъ. „Пошехонецъ“ не знаетъ, куда употребить ему *свое время*. Онъ „совсѣмъ несчастный, если не винтитъ“. А тутъ люди заботятся, чтобы онъ не перечиталъ!... Полноте: пусть лучше „печатные листы“, хотя бы „тридцать“ и „пятьдесятъ“, пусть—эти „бамяки“ и „пятики“ героевъ и героинь, „тонкія“ „психофизиологическія“ „рисовки“, „крупныхъ“ произведеній, чѣмъ „52 листа расписаннаго картона“. А всѣ издѣвательство надъ „печатнымъ листомъ“, издѣвательство надъ авторами, у которыхъ и среди „пошехонцевъ“ есть *читатели*—это врядъ ли воспитательный приѣмъ. Какъ хотите, слышать о любимомъ авторѣ, что онъ „настрочилъ“ и „пятьдесятъ“ листовъ, „коли Богъ поможетъ, или вѣришь издатель журнала не пожалѣетъ своего кармана“ и т. д.—по меньшей мѣрѣ зазорно. Г. Буренинъ такъ отборно креститъ романы г. Боборыкина, Потапенко, Шаниръ, Шабельской и др., но забываетъ, что у каждаго изъ нихъ есть свои читатели, которые думаютъ и чувствуютъ съ ними не по „печатнымъ листамъ“ и вѣдь всякихъ условностей, заказанныхъ критикой. Не издательскіе „карманы“ слѣдовало бы пожалѣть г. критику, а читательскій слухъ. Провинція вѣдь вѣритъ каждому печатному слову, хотя-бы оно раздавалось въ видѣ легкой газетной замѣтки. Средній читатель имя и личность литератора окружаетъ ореоломъ.

Мы не рѣшились пройти молчаніемъ этотъ „голосъ критики“, потому что какъ разъ обзоръ новогоднихъ январскихъ книжекъ толстыхъ журналовъ приходится начинать съ крупныхъ беллетристическихъ произведеній русской литературы. Разсказъ Чехова „Три года“, который отчасти и вызвалъ голосъ критиковъ о „крупномъ“ въ беллетристикѣ (г. Буренинъ). Далѣе романъ г. Боборыкина „Ходокъ“; романъ г-на Мережковского „Отверженный“ („Сѣв. Вѣст.“). „Хлѣбъ“, романъ Мамина-Сибиряка и др. Все это „широкія жизненные картины“ и если-бы авторы задумали изобразить ихъ „на десяти страничкахъ“, въ виду только желанія заявить свою „безсребренность“, то критика первая должна была-бы пожалѣть объ этомъ.

Въ разсказѣ Чехова „Три года“—все „и наружности героевъ и героинь—отъ бровей до самыхъ пятки“, и ихъ костюмы, и квартиры, въ которыхъ они проживаютъ“—все это только расписываетъ изображаемую жизненную картину. На художественности картины несомнѣнно влияетъ жизненное содержание изображаемой среды. Часто, отбросивъ всѣ эти „брови“ и „пятки“, художнику пришлось-бы опустить кисти. Въ разсказѣ Чехова передъ читателемъ—современное замоскворѣчье. Г. Чеховъ не пишетъ, а *разсказываетъ*, можетъ быть, вѣдь условностей заказанныхъ критикой.—Благодаря „излишнимъ“, по мнѣнію критики, подробностямъ и отступленіямъ, передъ читателемъ совершенно живыми стоятъ изображаемыя фигуры. Посмотрите фигуры старика Лаптева, старшаго прикащика крупной московской фирмы и всего этого амбарнаго штата, начинающаго со стриженнаго мальчика, въ сѣрой блузѣ, которому кричатъ со всѣхъ сторонъ: „ходи ногами!“ и, кончая солиднымъ Макничевымъ... Вотъ онъ старшій прикащикъ, Иванъ Васильевичъ Початкинъ, почему-то всегда выражающій свои мысли отдаленными намеками, придавая словамъ „какой-то особенный, тонкій смыслъ“. Онъ помнитъ, напр., въ торговлѣ другое, можетъ быть болѣе „крѣпкое“, время; тогда „старикъ“ еще „не раскидывался“. Уменьшеніе дохода, и миллионъ въ безденежныхъ векселяхъ—вопросъ

для самобытнаго амбарнаго философа. „Психологическое послѣдствіе вѣка“, не задумываясь, рѣшаетъ философъ. А всѣ эти „молодцы“ переодѣтые „по модѣ“ и „съ видомъ цорячныхъ и воспитанныхъ людей“. Читатель видитъ, что это все та-же „меньшая братія“ изъ „Темнаго Царства“: они все еще безъ воли и безъ мысли, потому что самодурство властвуетъ надъ ними страхомъ „наставленія“, а главное кускомъ хлѣба. Эти „одѣтые по модѣ“ живутъ всѣ въ нижнемъ этажѣ хозяйскаго дома, по трое, четверо въ комнатѣ, ѣдятъ изъ общей миски, „хотя передъ каждымъ изъ нихъ стоитъ тарелка“. Вечерами старикъ—хозяинъ подозрительно осматриваетъ всѣхъ служащихъ. „А ну-ка дыхни“, говоритъ онъ то одному, то другому. При входѣ хозяина, или кого-нибудь семейныхъ, всѣ, конечно, встаютъ. Азіатская политика озлобляетъ этихъ жалкихъ людей, по злоба безсильна. Вотъ одинъ изъ нихъ не вынесъ, заболѣлъ психически. Выбѣжалъ онъ босой, въ одномъ нижнемъ бѣлье, и грози на хозяйскія окна, кричитъ, что его замучили. „Плантаторы“— вмѣсто „эксплуататоры“, оретъ онъ на хозяевъ. Долго потомъ надъ бѣднлагой смѣлились, припоминая ему этотъ эпизодъ.

А вотъ и самъ Федоръ Степановичъ Лаптевъ—старикъ, съ гудящимъ басомъ, бритый, съ солдатскими подстриженными усами, съ сигарой во рту. Знакомое лице! Въ амбарѣ Лаптевъ „пьетъ чай съ вареньемъ“ и разговариваетъ съ покупателями. Говоритъ больше о себѣ. Себя Лаптевъ обожаетъ. Все, что онъ ни дѣлаетъ, все очень хорошо. У другихъ, если дѣло идетъ плохо, это потому, что съ нимъ не совѣтуются.—Даже священникамъ въ церкви Лаптевъ „дѣлаетъ замѣчанія, когда они, по его мнѣнію, не такъ служатъ“. И думаетъ, что „это угодно Богу, такъ какъ Богъ его любитъ“. И священники—въ своихъ проповѣдяхъ называютъ домъ и торговлю Лаптева „виноградникомъ“. Наконецъ, сынъ Лаптева Федоръ. Этотъ „съ университетскимъ значкомъ на лацканѣ“. Въ амбарѣ онъ принимаетъ покупателей, съ карандашемъ за ухомъ онъ особенно имѣетъ видъ дѣловитаго человѣка. Всѣхъ покупателей онъ фамиллярно похлопываетъ по плечу. Живетъ Федоръ, какъ самъ говоритъ, „просто“, „по русски“, „по христіански“. По случаю „бракосочетанія“ брата, Федоръ служилъ молебень съ акафистами, въ присутствіи всего штата.

На этомъ пока мы остановимся, а узелъ разсказа и центральные персоналы его оставимъ пока не окончится печатаніемъ весь разсказъ. → см. об. —въ.

Библиографія.

Издація С.-Петербургскаго Комитета Грамотности: 1) Сказъ о богатырѣ Ильѣ Муромцѣ. Изд. подъ редакціей О. О. Миллера. 2) Ф. Д. Нефедовъ. Безоброчный. 3) А. О. Погоскій. Злотѣй и Петька. 4) Н. Н. Потапенко. Шестеро. 5) Немеиовичъ-Данченко. Соловки. 6) Т. Г. Шевченко. Батрачка. 7) Ч. Диккенсъ. Скрыга Скруджъ. 8) А. Г. Коваленская. Крутиковъ. 9) В. М. Гаршинъ: а) Трусъ.—б) Четыре дня.—в) То, чего не было и Лягушка-путешественница.—г) Гордая пальма и сказаніе о гордомъ Ангелѣ.—д) Аясларское дѣло. 10) Разсказы Марка-Вовчка: а) Козачка. Одарка. Горпина.—б) Сестра. Дедацкая.—в) Сша.—Просвѣтительная дѣятельность Комитетовъ грамотности—вѣдь всякаго сомнѣнія. Одна изъ цѣлей—дать народу осмысленное чтеніе—мало по малу достигается; съ каждымъ годомъ число книгъ, издаваемыхъ С.-Петербургскимъ Комитетомъ грамотности, увеличивается, и книга проникаетъ въ деревню, но пройдетъ еще немало времени, когда „комитетская“ книжка вытѣснитъ съ рынка „литературная“, съ позволенія сказать, издѣлія книгопродавцевъ Никольской улицы.—Разбирать вышеназванныя книжки мы не будемъ, ибо тогда пришлось бы повторять о нихъ старое. Доказательствомъ спроса на нихъ служить то, что нѣкоторые книжки выдержали уже 2, 4, 5 изданій. Въ типографскомъ отношеніи книжки издаются весьма опрятно, при томъ же цѣна ихъ, въ большинствѣ снабженныхъ недурно исполненными иллюстраціями въ текстѣ, крайне низка.

3 С п 11 "Журн. одобрение" дан вежн дру-
го одобрение, И. Сигов, а с п 26 - х 7,
и разбар преданнен не бисл.

(раздел 10-11)
Сигов в одобрение
2014 г.)
62